

УДК 73

Пластические искусства в формировании жизненной среды советского человека

Слепухин Виктор Валерьевич

Декан факультета Искусство реставрации,
Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова,
125080, Российская Федерация, Москва, Волоколамское шоссе, 9;
e-mail: slepukhin@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросу влияния искусства на жизненную среду человека, и, в частности, проекту по созданию «нового человека» средствами искусства в раннюю советскую эпоху. Жизненная среда человека новейшего времени во многом рукотворна, искусственна, искусна; этот аспект и стал объектом исследования в данной статье. Культурная политика первых советских пятилеток стала уникальным проектом, который ставил перед собой задачу создания человека нового образца – и, конечно, главным механизмом преобразования должна была выступить культура, искусство. Жизненную среду советского человека призваны были сформировать пластические искусства: живопись, плакатная графика, архитектура, скульптура и пр. Однако этот проект, начатый с расцвета авангардных поисков «левого» искусства и других направлений (новому человеку – новые формы искусств), уже в середине 1930-х годов был свернут, уступив принципиальной бесконфликтности и «воодушевляющей» понятности, которую требовала от искусства партия. Споры, поднявшиеся в середине 1930-х годов о «формализме и натурализме» в искусстве (синоним «капиталистического», извращенного искусства), отражали и меняющееся представление партии о советском человеке: искусство было призвано уже не строить принципиально новых людей, но воспевать и романтизировать существующих «героев».

Для цитирования в научных исследованиях

Слепухин В.В. Пластические искусства в формировании жизненной среды советского человека // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 6А. С. 410-414.

Ключевые слова

Социалистический реализм, монументальная пропаганда, советское искусство, советский человек, Homo Sovieticus, жизненная среда.

Введение

Начиная 1980-х годов, когда это понятие впервые вошло в фокус научного интереса, исследователи дают различные определения понятия «жизненная среда». Это и «реальное пространство города, села, и «пространство» раздумий, печалей, веселья, обид и любви» [Черноушек, 1989, 8], и «совокупность природных и социальных условий и факторов, во взаимодействии с которыми происходит развитие организма и психики индивида» [Сараева, 2012, 170]. В качестве ключевого элемента окружающей среды выступает дом (и образ дома): психологи отмечают, что дом представляет собой «главную жизненную среду человека, определяющую его индивидуальность, социальное взаимодействие и жизненную успешность в самом широком смысле слова» [Нартова-Бочавер, 2016, 6].

Жизненная среда человека новейшего времени, в связи с постоянным процессом урбанизации, организуется преимущественно городским (или подобным городу) пространством. Среда обитания городского жителя отвечает большинству характеристик окружающей среды как таковой: она воздействует на все чувства, не имеет твердо фиксированных рамок во времени и пространстве, дает главную и периферийную информацию, содержит больше информации, чем мы способны осознать и отрефлексировать, воспринимается в тесной связи с практической деятельностью, обладает психологическими и символическими значениями [Черноушек, 1989, 57].

В жизненной среде человека новейшего времени искусственное (рукотворное) отражает свою связь с искусством – например, как архитектура, которая является и утилитарной сферой, и искусством. Ведущим рецептором человека является зрение, и потому принципиальную роль в формировании жизненной среды играют визуальные, пластические искусства.

Советские пластические искусства 1920-1930-х годов как стратегия формирования жизненной среды

Задача формирования «нового человека», поставленная советским правительством уже в первые годы после революции, предполагала важнейшую роль искусства – а значит, обновление визуального мира горожанина и селянина, новые жанры и формы.

Вдохновленный «Городом Солнца» Томмазо Кампанеллы, Ленин уже в апреле 1918 года предложил план монументальной пропаганды, выраженный в декрете от 12 апреля «О памятниках республики». В документе было предписано снести «памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны», и «мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции» [Декреты, 1959, т. 2, 95-96].

План монументальной пропаганды в Москве был не слишком продуман, и большинство наскоро поставленных памятников постигла не лучшая судьба. Так, памятник Марксу и Энгельсу на Площади Революции скульптора Мезенцева, открытый 7 ноября 1918 года, был откровенно неудачным и получил в народе прозвища «московские купальщики» и «двое в одной ванной» (впоследствии Маркс и Энгельс были «разлучены» и поставлены на новые места). Возведенный на той же площади памятник Дантону (Н.А. Андреев) – огромная голова, решенная в стиле кубизма, – также получил меткое народное название «памятник говорящей голове из “Руслана и Людмилы”» и вскоре был снесен. Многие из воздвигнутых тогда

памятников, стел и барельефов не дошли до сегодняшних дней из-за огрехов в производстве или эстетического несовершенства; однако нужно отметить, что советская власть считала первоочередным делом ввести в жизненную среду советских граждан скульптурные лики новых героев (революционеры, писатели) и новых идей (обелиск Свободы/Конституции и пр.).

Одним из новых жанров в области пластических искусств в СССР стал плакат, которому идеологи коммунистического искусства придавали особое значение. Как писал о плакате В.П. Полонский, «именно с помощью этого порождения улиц и площадей произойдет то сближение искусства с народом, которого ожидали иные мечтатели. Не картины, развешенные по музеям, не книжные иллюстрации, ходящие по рукам любителей, не фрески, доступные обозрению немногих, но плакат и «лубок» – миллионный, массовой, уличный – приблизит искусство к народу, покажет ему, что и как можно сделать с помощью кисти и краски, заинтересует своим мастерством и развяжет нерастроченные запасы художественных возможностей, дремлющих в народном сознании. В последнем смысле мы приписываем этому виду искусства огромную художественно-просветительную миссию» [Полонский, 1929, 3]. При этом в 1920-х годах плакат еще мог выражать всю смелость художественных поисков «левого» искусства, и, например, В.В. Пунин смело писал о плакатах В.Лебедева: «плакатом можно назвать такую художественную форму, которая явилась бы следом пересечения связанных с конкретностью и не разрушающих плоскость матерьялов с плоским пространством, приближающимся к полю зрения, причем пересечение это происходит по законам живописной композиции, преимущественно конструктивной» [Лебедев, Пунин, 1922, 30].

Если 1920-е стали временем поисков пролетарского искусства и расцвета авангардизма, то в 1930-х задачи искусства в строительстве жизненного мира нового человека стали пониматься значительно уже и строже, а человек этот, воспринимающий искусство, стал описываться как «нормальный» (то есть средний, «обыкновенный») потребитель культурной традиции. Так, в рамках дискуссии «против формализма и натурализма в искусстве», развернувшейся в 1936 году, звучали следующие реплики, направленной против авангардистов: «Они прививали молодежи нелепые вкусы, воспитывая в ней презрение к правдивости» [Против формализма..., 1937, 21]; отнимали место на выставках «у талантливых художников, имеющих неизмеримо большие права на внимание советского зрителя» [там же, 21]. А архитекторов призвали: «создавайте прекрасную архитектуру социалистической страны без гнилого, неискреннего, фальшивого либеральничанья, которое не менее опасно, чем прожектерство формалистических фокусников» [там же, 62].

Так, постепенно, пластические искусства раннего советского периода обрели новые задачи: не воспитывать и развивать вкус трудящихся, но скорее следовать этому вкусу, создавая «понятные» и «вдохновляющие» произведения. Если же кому-то продолжали нравиться «формалистские» (то есть авангардные) формы, то это объяснялось своего рода «круговой порукой» эстетов: «Если у нас, среди художников, искусствоведов и эстетски настроенных зрителей, есть еще любители формализма, то это объясняется только взаимно вредным воздействием этой категории творцов, комментаторов и потребителей искусства» [там же, 73].

Заключение

В советском визуальном искусстве победившего соцреализма воплощалась мысль «об искусстве как о реализации воображаемой действительности» [Добренко, 2008, 59], оно было призвано изобразить желаемое, воплотить пока не существующее. Как писал художник

Д. Горбов в 1929 году, задача художника – в том, «чтобы строить на материале реальной действительности, исходя из нее, новый мир – мир действительности эстетической, идеальной»; ведь «В легендах больше жизни, чем это кажется на первый взгляд!» [цит. по: там же, 60-61]. Дискуссии о соцреализме привели в итоге к формированию направления, удивительным образом объединявшего реализм и романтизм, личность и массу, реальность и мечту, правдивое и возвышенное.

Библиография

1. Булавка Л.А. Советская культура как *идеальное* СССР // Булавка Л.А. (ред.) Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР: Луначарский и не только. М., 2013. С. 94-135.
2. Декреты советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. 688 с.
3. Добренко Е. Социалистический реализм и реальный социализм (Советские эстетика и критика и производство реальности) // Colloquia. 2008. № 18. С. 57-91.
4. Лебедев В.В., Пунин В.В. Русский плакат: 1917-1922. Вып. 1. Петербург: Стрелец, 1922. 86 с.
5. Нартова-Бочавер С.К. (ред.) Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование. М., 2016. 220 с.
6. Полонский В.П. Русский революционный плакат. М., 1925. 300 с.
7. Против формализма и натурализма в искусстве: сборник статей. М.: Огиз-Изогиз, 1937. 80 с.
8. Сараева Н.М. Проблема системообразующего фактора системы «человек – жизненная среда» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18). Ч. II. С. 169-174.
9. Черноушек М. Психология жизненной среды. М.: Мысль, 1989. 174 с.
10. Швидковский Д.О. Искусство и наука в формировании жизненной среды человечества // Пространство и время. 2011. № 3 (5). С. 9-19.

Plastic arts in the formation of the inhabitable environment of the Soviet man (1920-1930-ies)

Viktor V. Slepukhin

Dean, the faculty "Art of Restoration",
Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts,
125080, 9 Volokolamskoye highway, Moscow, Russian Federation;
e-mail: slepukhin@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the question of the influence of art on the person's life environment, and in particular to the project to create a “new man” by means of art in the early Soviet era. The inhabitable environment of a man of modern times is in many ways man-made, artificial, skillful; this aspect has become the subject of research in the article. The cultural policy of the first Soviet five-year plans became a unique project that set itself the task of creating a new type of human being – and, of course, culture and art should have been the main mechanism for this transforming. The plastic arts: painting, poster graphics, architecture, sculpture, etc. were called upon to form the inhabitable environment of the Soviet man. However, this project, started with the flourishing of avant-garde searches of the “left” art and other directions (the “new man” – and new forms of art), already in the middle of 1930s years was folded, giving way to the principle of conflict-free and

“inspiring” intelligibility, which is demanded of art by the party. Disputes that arose in the mid-1930s about “formalism and naturalism” in art (a synonym for “capitalist”, perverted art) reflected the Soviet Party's changing view of the Soviet man: art was called upon not to build fundamentally new people, but to chant and romanticize existing “heroes”.

For citation

Slepukhin V.V. (2017) *Plasticheskie iskusstva v formirovanii zhiznennoi sredy sovetskogo cheloveka* [Plastic arts in the formation of the inhabitable environment of the Soviet man (1920-1930-ies)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (6A), pp. 410-414.

Keywords

Socialist realism, monumental propaganda, Soviet art, a new man, a Soviet man, Homo Sovieticus, inhabitable environment.

References

1. Bulavka L.A. (2013) *Sovetskaya kul'tura kak ideal'noe SSSR* [Soviet culture as an *ideal* in USSR]. In: Bulavka L.A. (ed.) *Kul'tura. Vlast'. Sotsializm. Protivorechiya i vyzovy kul'turnykh praktik SSSR: Lunacharskii i ne tol'ko* [Culture. Power. Socialism. Contradictions and challenges of cultural practices of the USSR: not only Lunacharsky]. Moscow, pp. 94-135.
2. Chernoushek M. (1989) *Psikhologiya zhiznennoi sredy* [Psychology of the inhabitable environment]. Moscow: Mysl' Publ.
3. *Dekrety sovetskoi vlasti. T. 2: 17 marta – 10 iyulya 1918 g.* [Decrees of the Soviet government. Vol. 2: March 17 – July 10] (1959). Moscow.
4. Dobrenko E. (2008) *Sotsialisticheskii realizm i real'nyi sotsializm (Sovetskie estetika i kritika i proizvodstvo real'nosti)* [Socialist realism and real socialism (Soviet aesthetics and criticism and the production of reality)]. *Colloquia*, 18, pp. 57-91.
5. Lebedev V.V., Punin V.V. (1922) *Russkii plakat: 1917-1922* [Russian poster: 1917-1922], vol. 1. Peterburg: Strelets Publ.
6. Nartova-Bochaver S.K. (ed.) (2016) *Dom kak zhiznennaya sreda cheloveka: psikhologicheskoe issledovanie* [The house as a person's inhabitable environment: psychological research]. Moscow.
7. Polonskii V.P. (1925) *Russkii revolyutsionnyi plakat* [Russian revolutionary poster]. Moscow.
8. *Protiv formalizma i naturalizma v iskusstve: sbornik statei* [Against formalism and naturalism in art: a collection of articles] (1937). Moscow: Ogiz-Izogiz Publ.
9. Saraeva N.M. (2012) *Problema sistemoobrazuyushchego faktora sistemy "chelovek – zhiznennaya sreda"* [The problem of the system-forming factor of the “man – inhabitable environment” system]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and art history], 4 (18), 2, pp. 169-174.
10. Shvidkovskii D.O. (2011) *Iskusstvo i nauka v formirovanii zhiznennoi sredy chelovechestva* [Art and science in the formation of the human inhabitable environment]. *Prostranstvo i vremya* [Space and time], 3 (5), pp. 9-19.